

Он умер на наших руках

Умер почти мгновенно, в два часа пополудни, в зале судебного заседания Верховного суда России.

Умер на глазах десятков людей — и потрясенных друзей-единомышленников, и высоких судей, и своих неотступных оппонентов, гонителей и преследователей, сохранивших на лицах выражение душевно-незатруднительного сочувствия. Как шепнул с ироническим спокойствием один из истцов в коридоре суда: «Они теряют лучших бойцов».

Алеся убил разрыв сердца. Мы не перестанем мучиться мыслью, что его можно было бы спасти, если бы бригада реаниматоров явилась сразу (ведь центр Москвы, Поварская улица), а не спустя полтора часа, если бы в самом здании Верховного суда, где так возможны внезапные атаки недобрых эмоций, существовала своя образцовая медицинская служба.

Адамович убит, в старину бытовало такое выражение:

«убит жизнью». Но за это убийство никто не может быть обвинен по статьям Уголовного кодекса, — ни судьи, которые вели заседание на редкость взвешенно, терпеливо и объективно, ни «оппоненты», обходившиеся в своих обвинениях сущей, по нынешним временам, мелочевой, вроде слов «ложь», «фальсификация», «грабление», «захват»; ни мы, друзья, так легко, так опрометчиво позволившие Алеся отправиться с нами на судебное заседание.

Убит жизнью!.. Как тяжело месяц за месяцем, а теперь уже и год за годом отбиваться от наветов, противостоять изощренной лжи, чтобы защитить интересы нескольких тысяч литераторов, решивших жить без диктата чиновников...

В распоряжении писателей столицы около шести тысяч квадратных метров площади. У писательских коллективов, освободившихся от удавок

сановников, из этих тысяч полезных метров меньше ста. В распоряжении Т. Пулатова, Ю. Бондарева и нежно пекущегося о них С. Михалкова и большой знаменитый дом бывшего Союза писателей на Поварской, и Дворец на Комсомольском проспекте, и трехэтажное здание Московской писательской организации на улице Герцена, и большое здание бывшего издательства «Советский писатель» — решительно все. И этого не опспорить. А в бесконечных заседаниях судов мы — «грабители и захватчики», Алеся и его единомышленников волокут и волокут к этому, строго говоря, безумным разборкам.

Спасаясь от последствий распада писательских организаций, литераторы Москвы и Санкт-Петербурга создали Литфонд, озабоченный исключительно помощью нуждающимся литераторам. 23 июня 1993 года все литературные организации областей, краев и автономий России

поддержали и новый, уже существующий Литфонд, и его решающий принцип — независимость.

Вот с этим-то и не хочет мириться властный Союз писателей России, один из двух, но почитающий себя единственным. И снова лицемерные жалобы, вопли, письма, судебные иски: «грабят! разоряют!»

Каюся перед читателями «Вечернего клуба», перед близкими Алеся Адамовича, что в час беды и горя я невольно соскочил к деловой стороне жизни. Ну как быть, если Бог вложил в грудь Алеся неравнодушное, горячее сердце, если он не мог пренебречь не обязанностями своими, а высоким, самому себе определенным долгом, и исполнял его честно в любой самый трудный для себя час.

Он был среди лучших солдат правды, истины. Среди немногих и самых лучших. Сказать это необходимо. Александр БОРЩАГОВСКИЙ.